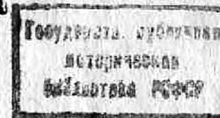
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ВКП(б)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

СБОРНИК

№ 3-4 (54-55)

1933 г.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — 1933

Ответств. редактор О. А. Лидак. Техредактор Л. А. Вакуленко.
Сдано в набор 13/VII—1933 г. Подписано к печати 19/VII—1933 г.
Бум. 62×88. Объем 8½ бум. лист. Количество знак. в бум. лист. 160.000.
Ленгорлит № 18612 Заказ № 3531. Тираж 3.000.

Тип. им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

СОДЕРЖАНИЕ

№ 3-4 (54-55) «Красной летописи» — 1933 г.

На всем протяжении очерченного периода (1894—1901 года) во взаимоотношениях с буржуазными демократами-струвистами Ленин сохранял верность своей принципиальной установке революционного марксизма. Совершенно понятно, что Ленин «восставал» во всех тех случаях, когда видел попытку превратить пролетариат из ведущей силы в силу ведомую (декабрь 1900 года, январь 1901 года).

Совершенно несостоятельной является попытка меньшевистской редакции «Переписки Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода» квалифицировать позицию Ленина в переговорах со Струве, как непоследовательную позицию.

«В ходе переговоров позиция отдельных членов редакции менялась, — пишет редакция, — особенно резко она изменилась у В. И. Ленина, и психологические мотивы этой перемены хорошо переданы сделанною им 29/XII—1900 года «Записью».[1]

Мы уже показали, что Ленин «восстал» по соображениям глубоко принципиального характера, а отнюдь не по «психологическим мотивам».

Возмутительно искажена Ваганяном позиция Ленина в переговорах со Струве. Мартов расценивает ленинскую позицию по отношению к либералам в рассматриваемый период, как «крайнее упрощение», Аксельрод рассматривает позицию Ленина по отношению к либералам, в связи со статьей «Гонители земства и Аннибалы либерализма», как проявление «примитивного социал-демократизма», а Ваганян квалифицирует позицию Ленина в переговорах со Струве, как проявление «провинциализма». Замечательный получается хор!

С. Аввакумов

(Окончание следует).

---

[1] «Переписка», т. II, стр. 143.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ „ИСКРЫ" ПЕРЕД II ПАРТИЙНЫМ СЪЕЗДОМ

Как известно, конец 90-х годов прошлого столетия ознаменовался широким распространением среди российской социал-демократии так называемого «экономического» направления. В целом ряде крупнейших партийных организаций России, в том числе и в Петербурге, создалось временное засилие «экономистов». Петербургские «экономисты» пытались посредством печатного слова (газета «Рабочая мысль») расширить свое влияние далеко за пределы самого Петербурга.

Распространение «экономического» направления конечно ни в какой степени не являлось случайным и находилось в тесной связи с теми экономическими и политическими явлениями, которые мы наблюдаем в это время как в России, так и за границей.

Конец XIX и начало XX столетий является переломным моментом развития мирового капитализма, когда он вступил в свою последнюю империалистическую фазу. В ряду других характерных особенностей империалистического этапа развития капитализма большую роль играет так называемое «подкармливание» буржуазией верхушечных слоев промышленного пролетариата, создание из этих верхушечных слоев бюрократически омертвелых частей, являющихся рассадником приспособленчества и оппортунизма. «Империализм,—пишет Ленин,[1]— означая монопольно-высокие прибыли для горстки богатейших стран, создает экономическую возможность подкупа верхних прослоек пролетариата и тем питает, оформливает, укрепляет оппортунизм». Эта присущая империализму сторона нашла свое особенно яркое выражение в западноевропейском рабочем движении. Здесь с возникновением империализма, то есть в конце XIX и начале XX века оппортунизм в рабочем движении распускается особенно пышным цветом. Ревизия учения Карла Маркса, предпринятая Эдуардом Бернштейном, с целью лишить его революционного содержания и приспособить к требованиям мелкой буржуазии, наложила тяжелый отпечаток на всю теорию и практику западноевропейского

---

[1] Ленин, соч., изд. 2, т. XIX, стр. 155.

рабочего движения этого и последующего времени. Даже многие из тех социал-демократических вождей II Интернационала, которые объявили себя *на словах* противниками Э. Бернштейна, как например К. Каутский, поддались его влиянию и явились фактически, *на деле*, проводниками его политической линии.

Такое крупное явление в западноевропейском рабочем движении не могло конечно не найти того или иного своего отражения и в русском рабочем движении. Таким отражением, применительно к русским условиям, и явился «экономизм».

Однако, для развития оппортунизма несомненно имелись социальные корни и в самом русском рабочем движении. Промышленный подъем 90-х годов способствовал значительному росту численности рабочего класса. Рост этот происходил за счет пришлого элемента, в первую очередь выходцев из деревни, приносивших с собою свои мелкобуржуазные, собственнические настроения. Вчерашний крестьянин, не успевший еще вывариться в котле фабрично-заводского производства, охотно откликался на лозунг борьбы за *копеечное улучшение своего положения*, но не был еще в состоянии подняться до сознания необходимости политической борьбы и социальной революции. С другой стороны, в русском рабочем классе имелась своя, правда сравнительно незначительная, привилегированная, лучше оплачиваемая верхушка, главным образом среди печатников и на заводах, связанных с казной. В этих частях рабочего класса оппортунизм в лице «экономизма» встречал наиболее живой отклик и сочувствие.

Несмотря на наличие определенных социальных корней в самом русском рабочем движении, почва для развития оппортунизма *в России была все же далеко не такой благоприятной, как в Западной Европе*, и если он, пользуясь молодостью и сравнительно малой зрелостью русских партийных организаций, имел на первых порах такой шумный успех, то этот успех был кратковременным и затронул собою в большей степени интеллигентскую, чем рабочую, часть партийных организаций. Правда, «экономизм», даже и сойдя с политической арены, продолжал еще давать себя чувствовать в русском социал-демократическом движении. Появившиеся на смену «экономистам» новые представители оппортунизма — меньшевики являются их прямыми продолжателями и идейными наследниками, но все же и они, несмотря на отдельные успехи, не смогли занять в русском рабочем движении того руководящего положения, которое на протяжении десятков лет, вплоть до самого последнего времени занимал оппортунизм в Западной Европе.

Период господства «экономистов» в Петербургском союзе борьбы продолжался около шести лет. Как известно, при первоначальной организации Петербургского союза борьбы в 1894 году, когда союзом руководил В. И. Ленин, программа его деятельности ставилась в рамках тех задач, которые впоследствии развивала и разрабатывала на своих страницах газета «Искра». Но в декабре 1895 года Петербургский союз подвергся полицейскому разгрому и почти вся руководящая головка его, в том числе и В. И. Ленин, была арестована. Петербургский союз, правда, очень быстро оправился от перенесенного им разгрома, но характер деятельности его *после ссылки «стариков» в 1887 году коренным образом переменился*. У руководства его стали «экономисты».

В чем же заключалась сущность «экономизма»?

Характерной особенностью этого времени был идейный и организационный разброд. Почти каждая местная организация имела *какой-нибудь свой характерный оттенок. Даже в одной и той же* организации сплошь да рядом отдельные ее члены имели различные взгляды. Но были некоторые общие черты, которые роднили все эти направления между собою. Основной такой чертой являлось приспособление социал-демократического движения к уровню и потребностям самых отсталых слоев рабочего класса, которые-де охотно поднимаются на борьбу за конкретные, мелочные улучшения своего экономического положения, но которые в силу своей малоразвитости не в состоянии понять общих целей и задач, стоящих перед рабочим движением. Эта идеология наиболее ярко отразилась в передовой № 1 органа Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса, газеты «Рабочая мысль», относящейся к концу 1897 года.

Критикуя первый период деятельности Петербургского союза, когда во главе его стоял т. Ленин, автор этой передовицы говорит: «за что сражаться, с кем, по какому поводу? На это совсем не было ответа у рабочего, не интеллигентного, а рядового из массы, который собственно и значит все для движения. Да и не могло быть на это ответа, потому что экономическая основа движения была затемнена стремлением постоянно не забывать политического идеала». Каким же путем должно в дальнейшем итти рабочее движение? На это автор статьи отвечает так: «Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на поле ежедневных насущных интересов и стачки как средство этой борьбы — вот девиз рабочего движения. Эта борьба понятна всем, она закаляет силы и сплачивает рабочих. В ней каждый шаг вперед есть улучшение в жизни, есть новое средство к дальнейшим победам... Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих детей, пусть помнят, что каждая победа, каждая пядь, отбитая у врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию»...

Эти выдержки из статьи, которая, будучи передовой первого номера газеты, являлась фактически политической программой «экономизма», дают ясную картину его основных идейных уста-

новок. «Экономисты» не думали о том, чтобы поднять рабочее движение на высшую идейную ступень, а, наоборот, обрекали партию на жалкую роль арьергарда, плетущегося в хвосте рабочего движения и думающего только о том, как бы приспособить свои цели и задачи к уровню понимания так называемого «среднего» рабочего. Из этой основной установки вытекал и целый ряд других, тесно с ней связанных. Чтобы говорить рабочим только о «понятных» для них вещах, «экономисты» фактически отрицали политическую борьбу, предоставляя ее либеральной буржуазии. И даже те немногие из них, которые признавали политическую борьбу, признавали ее лишь постольку, поскольку она непосредственно вытекала из задач «экономического» движения. Так, например, группа «экономистов», объединившаяся вокруг выходившего за границей журнала «Рабочее дело» признавала политическую борьбу, но лишь в связи с тем, какую стадию переживало на том или ином этапе рабочее движение. Согласно изобретенной «Рабочим делом» теории стадий, рабочее движение в своем развитии должно было проходить следующие пять стадий: 1) чисто экономическая агитация, 2) политическая агитация в непосредственной связи с экономической борьбой за ближайшие требования, 3) политическая агитация за всю экономическую программу, 4) политическая агитация вне прямой связи с экономической борьбой пролетариата или его ближайшими интересами и 5) агитация по поводу общественно-политических злободневных вопросов. Эта теория стадий фактически узаконяла тот идейный разброд, который господствовал в это время в рядах местных организаций и развязывала руки самому безудержному оппортунизму. Любая организация, проводящая на практике политику мелкобуржуазного либерализма, могла прикрыться этой теорией как надежным щитом, ссылаясь на имеющееся якобы наличие той или иной из перечисленных выше стадий.

Однако, если некоторые группы «экономистов» и признавали необходимость политической борьбы, то на деле они отнюдь и не думали заниматься этой политической борьбой и не уделяли ей абсолютно никакого внимания. В этом отношении все «экономисты» представляли собою единое целое.

Отрицая необходимость для рабочих вести политическую борьбу, «экономисты» злобно нападали на тех, кто пытался пропитать свою агитацию и пропаганду среди рабочих политическим содержанием, кто стремился привить рабочим политическое сознание. В первую очередь таким нападкам подвергались социал-демократы интеллигенты. Характерной особенностью практики «экономистов» этого времени является стремление оттеснить партийную интеллигенцию на задний план, не допускать ее ни в коем случае к руководству партийными организациями и образовать из нее отдельные группы содействия для выполнения подсобных функций. В этом своем стремлении они ссылались на авторитет ни более, ни менее, как самого Маркса. Они брали известную фразу из «Коммунистического манифеста» о том, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих» и трактовали ее в том смысле, что только одни рабочие должны являться идеологами и практическими руководителями движения. «Такой живучестью, — пишет автор уже цитировавшейся нами передовицы из «Рабочей мысли»,—рабочее движение обязано тому, что рабочий сам борется за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей». «Победа впереди, — говорится в конце этой передовой, — и только тогда верх будет одержан бойцами, когда девизом их будет: рабочие для рабочих».

Не нужно конечно и говорить, в какие узкие рамки загоняло рабочее движение последовательное проведение этого принципа. В некоторых местах имело место даже прямое гонение на партийных интеллигентов. Любопытно, что проводили это гонение вовсе не рабочие, которые всегда с радостью встречали приходившего к ним партийца-интеллигента, а те же интеллигенты, но только стоящие на «экономических» позициях, в роде пресловутого студента «Вышибайло», о котором речь еще будет впереди. Именно против таких тенденций решительно выступал т. Ленин, который в «Что делать?» ясно и четко написал:

... «Организация революционеров должна обнимать прежде всего и глав. образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности (поэтому я и говорю об организации революционеров, имея в виду революционеров — социал демократов). Пред этим общим признаком членов такой организации должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов, не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других».[1]

И дальше:

«Комитет из студентов не годится, он неустойчив». Совершенно справедливо. Но отсюда вывод тот, что нужен комитет из профессиональных революционеров, все равно, студент ли или рабочий сумеет выработать из себя профессионального революционера. А вы делаете вывод тот, что не следует подталкивать рабочее движение со стороны! По своей политической наивности, вы и не замечаете, что играете этим на руку нашим экономистам и нашему кустарничеству. В чем это выражалось, позвольте спросить, «подталкивание» наших рабочих нашими студентами? Единственно в том, что студент нес рабочему те обрывки политического знания, которые у него были, те крохи социалистических идей, которые ему перепали (ибо главная умственная пища современного студента, легальный марксизм, и не мог дать ничего, кроме азбуки, кроме крох). Этакого-то «подталкивания со стороны» не слишком много, а, наоборот, слишком мало, безбожно и бессовестно мало было в нашем движении, ибо мы чересчур усердно варились в собственном соку, чересчур рабски преклонялись перед элементарной экономической борьбой рабочих с хозяевами и с правительством». Этаким-то «подталкиванием» во сто раз больше должны заниматься и будем заниматься мы, революционеры по профессии. Но именно тем, что вы выбираете такое гнусное слово, как «подталкивание» со стороны, которое неиз-

[1] Ленин, изд. 2, т. IV, стр. 447.

бежно вызывает у рабочего (по крайней мере, у рабочего, столь же неразвитого, как неразвиты вы) недоверие ко всем, кто несет ему со стороны политическое знание, и революционный опыт, вызывает инстинктивное желание дать отпор всем таким людям,— вы оказываетесь демагогом а демагоги худшие враги рабочего класса».[1]

В этих словах Ленина, помимо глубины высказываемых им мыслей, видно и блестящее знание им условий и обстоятельств, в которых протекала работа русских партийных организаций.

В силу слабости в тот период рабочего движения и отсутствия достаточного количества теоретически подготовленных рабочих, в социал-демократическом движении крупную роль играли профессиональные революционеры из интеллигенции. Правда, такое положение считалось временным, надо было приложить все усилия, чтобы создать профессиональных революционеров из рабочих. На демагогические крики «экономистов» о засилии интеллигентов в партии — в «Что делать?» Владимир Ильич писал:

«Самая настоятельная наша обязанность — содействие выработке рабочих-революционеров, стоящих на таком же уровне в отношении партийной деятельности, как и интеллигенты-революционеры... Главное внимание должно быть обращено на то, чтобы поднимать рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы опускаться самим непременно до «рабочей массы», как хотят экономисты, непременно до «рабочих середняков», как хочет «Свобода»... Когда у нас будут отряды специально подготовленных и прошедших длинную школу рабочих-революционеров (и притом революционеров «всех родов оружия»), — тогда с этими отрядами не совладеет никакая политическая полиция в мире, ибо эти отряды людей, беззаветно преданных революции, будут пользоваться также беззаветным доверием самых широких рабочих масс. И это — наша прямая вина, что мы слишком мало подталкиваем рабочих на эту общую им с «интеллигентами» дорогу профессионально-революционной выучки, слишком часто тащим их назад своими глупыми речами о том, что «недоступно» рабочей массе, «рабочим середнякам» и т. п.»...[2]

Ошибочные общеидейные установки, естественно, влекли за собой у «экономистов» страшную неразбериху в организационном вопросе. Смешивая воедино и чисто-экономическую борьбу рабочих и революционное социал-демократическое движение, «экономисты» не видели разницы между профессиональным союзом и партией, предполагая проводить всю совокупность работы в рамках одной организации. Фактически же они, считая центром тяжести именно экономическую борьбу, подменяли партийную организацию профессиональным союзом. «Экономисты» мыслили себе партию, как широкую рабочую организацию, построенную на демократических основах. Они отрицали необходимость централизации и ставили свою ставку на рабочую самодеятельность. В условиях жесточайшего гнета и полицейских преследований попытки построить партию таким образом лишали ее всякой конспирации и фактически обезоруживали ее перед лицом классовых врагов.

[1] Ленин, изд. 2. т. IV, стр. 454—455.
[2] Там же,

В противовес такого рода тенденциям Ленин выдвигал свой план организации партии как централизованной и строго законспирированной организации профессиональных революционеров.

«Я утверждаю, — писал Ленин, — 1) что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей, 2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация (ибо тем легче всяким демагогам увлечь неразвитые слои массы); 3) что такая организация должна состоять главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью; 4) что в самодержавной стране, чем более мы сузим состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию, и 5) тем шире будет состав лиц и из рабочего класса и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем».[1]

На долю основанной Лениным газеты «Искра» выпала огромная и чрезвычайно важная задача нанести решительный удар оппортунистическим течениям в русском социал-демократическом движении и завоевать на сторону революционного марксизма подавляющее большинство русских партийных организаций. Но «Искра» не ограничивалась одним идейным разгромом своих политических противников. Свою борьбу на теоретическом фронте она сочетала с борьбой практической. «Искра» поставила своей задачей не только очистить русское социал-демократическое движение от оппортунистической идеологии «экономистов» и других псевдо-революционных течений, но и практически, на деле положить основу партийной организации на тех принципах, о которых мы говорили выше. Через своих агентов, которые объезжали почти все крупнейшие города России, «Искра» распространяла свое влияние на русские организации, завоевывала их идейно и организационно, а в случае, если это было необходимо, в противовес им закладывала основание своих подлинно революционных партийных организаций.

Одним из наиболее ярких примеров деятельности агентов «Искры» является завоевание ими Петербургской партийной организации. Здесь «Искре» пришлось повести решительную борьбу против засилия «экономистов», здесь, несмотря на отдельные частичные неуспехи, которые были вполне естественны на первых порах, она в конце концов преодолела все трудности и, завоевав рабочее движение Петербурга целиком и полностью на свою сторону, сделала его одной из несокрушимейших твердынь ленинизма и передовым отрядом рабочего движения всей страны.

[1] Ленин, соч., изд. 2, т. IV, стр. 456.

Первая отправка агентов «Искры» в Петербург относится к июлю 1901 года. Отправкой этой непосредственно руководил В. И. Ленин, с которым лично они и поддерживали в дальнейшем тесную письменную связь. Таковыми агентами «Искры» явились представители ее Лондонской группы Сергей Васильевич Андропов и Виктор Павлович Ногин. В Петербург, собственно говоря, по первоначальному плану должен был поехать один Андропов, а Ногин предназначался для Одессы, но впоследствии, уже по приезде их в Россию, этот план был изменен и они оба разными путями с заездом в различные города направились в Петербург.

И Андропов и Ногин хорошо знали обстановку работы в Петербурге, так как оба они являлись старыми питерскими работниками. Еще в 1898 году они были руководителями петербургской социал-демократической группы «Рабочее знамя», которая вела активную идейную борьбу с «экономистами» из Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса и по справедливости считается одной из первых социал-демократических организаций искровского направления в России. Эта группа после ряда разгромов фактически перестала существовать, а руководители ее Андропов и Ногин, избегая ареста, принуждены были скрыться за границу. Теперь, возвращаясь в Россию, они рассчитывали разыскать отдельных, уцелевших еще членов этой группы и восстановить с ними связь.

Несмотря на то, что основным работником для Петрограда, как мы уже писали, намечался Андропов, ему почти что и не пришлось участвовать в этой работе. Отправившись на Волгу, после кратковременного пребывания в Петербурге, он был арестован в Казани 25 августа 1901 года. Главная работа легла таким образом на плечи одного Ногина, который приехал в Петербург 2 сентября 1901 года.

В отношении того, как начать свою работу в Петербурге, у Ногина не могло быть никаких сомнений. В этом отношении он имел точную типовую инструкцию искровским агентам, в которой особенного внимания заслуживает 5-й пункт. В этом пункте, носящем название «Отношение к местным комитетам», говорится следующее: «Каждый член Центрального комитета, являясь в данное место, должен стремиться к приобретению там наибольшего влияния и иметь конечной целью присоединение данного комитета к организации «Искры» и к признанию ее партийным органом. Для этого он: 1) входит автономно в местную группу, предлагая ей услуги по доставке литературы, газеты, по печатанию прокламаций, заявлений и проч., 2) если, несмотря на все усилия, комитет останется враждебным — он образует свою собственную группу и свой местный комитет». [1]

[1] Из дела деп-та полиции, особ. отд., за № 825, ч. 4, 1901 г.

Согласно этой инструкции, Ногин повел работу в двух направлениях. Он прежде всего постарался связаться со своими единомышленниками в Петербурге (таковыми явились недавно приехавшие из Берлина «искровки»—Минская, Рубинчик и Мандельштам. Работника местного союза Степана Радченко он долгое время не мог найти и связался с ним позднее), не организуя еще однако на первых порах специальной искровской группы, а затем вошел в сношения с местным Петербургским союзом борьбы.

Петербургский союз борьбы в это время, в ряду других мелких групп и группочек, работавших в Петербурге, являлся безусловно наиболее крупной и мощной организацией, но находился, как мы писали уже, под полным идейным влиянием «экономистов», что предопределяло и его своеобразную организационную структуру.

Наиболее характерным в структуре Петербургского союза борьбы являлось его деление на «рабочую» и «интеллигентскую» части. Применяя на практике свой ничего общего с революционной социал-демократией не имеющий лозунг — «рабочие для рабочих», руководители Союза борьбы «блюли» классовую чистоту рабочих ячеек, входивших в союз, а на интеллигентскую часть возлагали только вспомогательные функции, не связанные непосредственно с повседневной жизнью рабочей части союза.

Основой Союза борьбы являлись рабочие кружки по фабрикам и заводам, которые в целях конспирации не должны были превышать своею численностью десять человек.

Все рабочие кружки Петербурга были разбиты на районы, во главе которых стояли выбранные от кружков данного района районные комитеты. Таких районных комитетов формально существовало шесть: Выборгский, Невский, Обуховский, Василеостровский и Петербургский. Но не все районы работали одинаково. В Василеостровском и Петербургском районах за все время не было правильной организации, а существовали лишь кружки и связи, Нарвский и Невский районы также переживали в данное время тяжелое положение после недавних разгромов. Кроме этих районов существовала еще отдельная Колпинская организация, однако за дальностью расстояния связь с нею была слишком слаба. Общее количество членов рабочей организации в начале 1901 года достигало 300 человек.

Органом, возглавляющим все районные комитеты, являлся «комитет рабочей организации», который иначе назывался «рабочий комитет» или «агитационная группа».

Этот комитет целиком входил в Петербургский комитет Союза борьбы, куда кроме него входили представители и его интеллигентской части.

Интеллигентская часть Союза борьбы состояла из целого ряда подсобных групп. Так в то время, о котором мы говорим, существовали группы пропагандистов, которые работали порайонно

и были объединены общегородским «советом пропагандистов». Кроме того существовали денежная, печатная группы, группа для сношения с провинцией и заграницей и др.

Главным организационным недостатком Союза борьбы являлась оторванность его интеллигентской части от рабочей. Хотя комитет Союза борьбы по своей структуре мыслился как объединение комитета рабочей организации с представителями интеллигентской части, но фактически обе эти половины одного комитета совместно почти никогда не заседали и работали совершенно самостоятельно. Вместо единого комитета получался своего рода двухпалатный парламент. Зачастую один и тот же, имеющий общее значение, вопрос дважды обсуждался и решался сначала в рабочей, а потом в интеллигентской части комитета.

Единственной связью, существовавшей между этими двумя частями, являлся один интеллигент-агитатор, имевший право на участие в заседаниях обоих комитетов и передававший в интеллигентскую часть решения комитета рабочей организации. Интеллигент этот, в силу своего привилегированного положения, мог влиять на решения в обоих частях организации и фактически являлся каким-то сверхцентром. По убеждению же он был ярый «экономист».

Естественно, что при таком положении дела «политикам», то есть тем товарищам, которые стояли на идейной платформе «Искры», чрезвычайно трудно было вырвать рабочую часть организации из-под власти «экономистов».

Не раз со стороны «политиков» делались попытки восстановить единый комитет Союза борьбы, созвав обе его отдельно существующие половины, но каждый раз такие попытки встречали резкое противодействие со стороны «экономистов», которые заявляли, что это... «не конспиративно». И жизнь Союза борьбы продолжала течь по тому же самому руслу.

Переговоры Ногина с руководителями Союза борьбы на первых порах не привели ни к каким результатам и потому он, согласно 5-му пункту инструкции искровским агентам, решил образовать в Петербурге самостоятельную искровскую группу. Такая группа была организована в первых числах сентября 1901 года и приняла название Петербургского отдела «Искры». В состав этой группы вошли кроме Ногина еще названные нами выше Минская, Рубинчик и Мандельштам, приехавший из Вильно брат Мартова — С. Цедербаум, братья Соболевы, сестры Мажаровы, Е. Г. Гуро и другие.

Эта группа, по словам С. Цедербаума, прежде всего направила все свои усилия для обзаведения всем необходимым техническим аппаратом — явками, квартирами для хранения литературы и пр., а кроме того приступила к широкому распространению «Искры». Скоро ей удалось сплотить ряд работников, имевших связи в рабочих районах. Влияние искровской группы в Петербурге начало быстро возрастать. Вскоре в нее влились оставшиеся после очередного разгрома члены группы «Социалист», родственной по своему направлению группе «Рабочее знамя».

Такие успехи «Искры», естественно, встревожили руководителей Союза борьбы [1] и они стали гораздо уступчивее в переговорах, стремясь добиться вхождения искровской группы в Петербургский союз борьбы.

30 сентября соглашение между Петербургским союзом борьбы и искровской группой наконец состоялось. Это соглашение носило характер явного компромисса. Представителям «Искры» не удалось добиться полного идейного и организационнного завоевания Союза борьбы, но они, входя в состав Союза, добились для себя значительной автономии и права широкой пропаганды своих идей. Для молодой искровской организации это было безусловно крупным шагом вперед. «Пока главная их задача,—писал в своем донесении связавшийся в это время с представителями «Искры» известный провокатор Гурович, — проникнуть в Союз, а затем они надеются совсем завладеть делом и внести свое влияние в «Рабочую мысль».

Энергичная работа искровской организации не могла конечно пройти незаметно для бдительного ока царской полиции. В дело вмешался опытный провокатор Гурович и 2 октября того же 1901 года «Искру» постигает первый удар — арест Ногина.

Арест Ногина способствовал еще большему охлаждению отношений между руководителями Союза и искровцами и в ноябре того же 1901 года первые, придравшись к удобному поводу, объявили договор расторгнутым. Опять искровская группа принуждена была вести отдельное от Союза существование.

Арест Ногина явился для искровской группы только первым тяжелым предзнаменованием и предвещал еще более неприятные для нее осложнения. В ночь на 4 декабря 1901 года искровскую организацию, при активном содействии Гуровича, постиг форменный разгром. Подверглись обыску 24 лица, причем 10 из них, в том числе Степан Радченко, Рубинчик, Минская и Мандельштам были арестованы. Одновременно в Ковне был арестован Сергей Цедербаум, который пытался наладить там транспортировку искровских изданий из-за границы в Петербург. Для уцелевших еще пе-

[1] Прекрасную характеристику дает им Ногин в одном из своих очередных писем в редакцию «Искры». «Они поразили меня, — пишет он в этом письме, — той беспринципностью и странностью, которой, кажется, раньше никто не отличался в такой степени. Они дорожат только «фирмой» и тем чтобы у них не было «конкурентов» в лице других организаций. Они совершенно не обращают внимания на принципиальные разногласия (хотя они говорят, что у нас с ними их нет), говоря, что разногласия лишь вносят оживление в деятельность».

тербургских искровцев наступили тяжелые дни. Необходимо было экстренное подкрепление петербургских искровских сил из-за границы. Такое подкрепление вскоре и явилось в лице специально приехавшего в Петербург в апреле 1902 года агента «Искры» Ивана Ивановича Радченко (брата Степана Радченко). Опираясь на местные силы, ему вскоре удалось восстановить искровскую организацию и поставить широкую агитационную работу. Полицейское донесение этого времени отмечает, что «искровцы» вновь «сгруппировались, поставив своею целью широкую и энергичную агитацию». [1]

Под влиянием искровской агитации все большее и большее число рабочих революционеров начинает разочаровываться в «экономистах» и переходит на политическую платформу «Искры». Не мало способствует этому также энергичное распространение «Искры», которая выходит бесперебойно, читается с увлечением на фабриках и заводах и постепенно завоевывает себе больший и больший авторитет. В среднем в Петербурге в это время распространяется 4-5 пудов литературы в месяц. «Искра» в № 16 от 1 февраля 1902 года так характеризует изменение настроения в рабочих кружках:

«Жизнь в кружках также резко изменилась: рабочие уже не занимаются изучением «форм заработной платы», не читают любимой брошюры «О штрафах» — не тем занята голова. Собрания делаются чаще и многолюднее. Раздаются горячие речи о рабочем движении, о социализме, насмешки и ругательства по адресу правительства. Выдвигаются новые лица, о сознательности которых раньше никто ни подозревал. Возникают новые кружки. Старые кружки, стоявшие до сих пор в стороне, стараются примкнуть к общему движению и к организации. Кружки смешиваются друг с другом, расплываются в общей массе. Настроение охватывает и старого и малого. Прокламации дерзко разбрасываются и расклеиваются чуть не под носом у растерявшихся дворников. Наиболее энергичные рабочие, которых в Петербурге называют «орлами», приобретают все большее влияние на массу».

На поднятие интереса рабочих к политике не малое влияние оказали студенческие демонстрации, которые, начиная с 19 февраля 1901 года, систематически устраивались в Петербурге и, как правило, заканчивались столкновением с полицией и кровавой расправой. Как раз около этого времени произошли две крупные демонстрации, одна 8 февраля 1902 года в Народном доме и другая 3 марта того же года на Невском проспекте. В особенности показательной была вторая демонстрация, где против обыкновения рабочих оказалось больше, чем студентов. Это ясно показывало на повышение сознательности рабочего класса. В разных местах были выкинуты красные знамена с надписями: «долой самодержавие», «свобода», «свобода печати», «свобода слова» и другие.

[1] «Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях» за 1902 г., стр. 30.

Закончилась демонстрация, как и всегда, кровавой расправой полиции с демонстрантами.

Перелом настроения в низах рабочего класса не мог, естественно, не отразиться в той или иной степени на руководящей головке Петербургского союза борьбы. «Экономисты» хотя и не сдают еще добровольно своих позиций, но постепенно оттесняются со своих руководящих постов лицами «политического» направления. Во главе Союза становятся «политики» — доктор Владимир Пантелеймонович Краснуха, доктор Николай Николаевич Штремер, Елена Дмитриевна Стасова и др. При их активном участии опять возобновляются переговоры с представителями «искровской» группы, которые вскоре заканчиваются к обоюдному удовлетворению. На этот раз вопрос идет уже не о простом механическом соединении разнородных частей, а о полном торжестве принципиальных и организационных идей «Искры». В особенности важным в этом отношении было одно из загородных партийных собраний в Петербурге в июне 1902 года, на котором присутствовали рабочие представители всех пяти районов «Рабочей организации». На этом собрании были поставлены два вопроса: 1) о двух направлениях в русской социал-демократии — о старом («экономическом»), которое господствовало до тех пор в Петербурге, и о революционном, как оно представлено «Искрой» и «Зарей» и 2) о принципах организации (так называемый «демократизм» или «организация революционеров»). По обоим вопросам **все рабочие единогласно** высказались против «экономизма» и «демократизма» и **за направление** «Искры». После этого решения тут же были выбраны двое рабочих в организационную комиссию, учрежденную для проведения в жизнь вышеуказанных принципов. Как результат этого собрания явилось следующее историческое воззвание Петербургского союза, окончательно закрепляющее переход Петербургского союза на искровскую платформу. В виду особой важности этого воззвания мы позволим себе привести его целиком:

«Ко всем российским с.-д. организациям»

Товарищи! Неудержимо развивающееся революционное движение ставит перед нами каждый день все более сложные задачи, и от того, насколько нам удастся выполнить их, зависит в значительной степени успех той освободительной борьбы, в которой социал-демократии принадлежит передовая и самая ответственная роль.

На СПБ Комитете тяжелее всего отзывались традиции того направления, которому присвоено было в литературе название «экономизма». И опыт многих лет убедил в том, что мы сами себе связывали руки недостаточно широкой постановкой задач политической агитации и революционной борьбы, тяжеловесными формами организации, неприспособленными к русским условиям. Сде-

лав все возможное, чтобы в этих недостаточно широких и недостаточно подвижных рамках работать над организацией пролетариата, СПБ Комитет пришел к убеждению, что надо закончить, выражаясь словами автора брошюры: «Что делать?», ликвидацию периода кустарничества, периода местной раздробленности, организационного хаоса и программной разногласицы.

Закончить эту ликвидацию тем более необходимо, что всякое промедление в этом деле неминуемо пошло бы на пользу другим революционным или оппозиционным течениям, дало бы им возможность усилиться за счет социал-демократии и тем самым сыграло бы на-руку интересам буржуазной демократии. А между тем ни одно революционное направление в России не обладает и в отдаленной степени такой революционной теорией и такими элементами массовой организации, какими обладает социал-демократия, которая упорной 10-летней борьбой пробила первую брешь в твердыне политической реакции и которая самыми тесными узами связана с наиболее революционным и непобедимым классом.

Приступая к осуществлению намеченных выше задач, СПБ Комитет заявляет о своей солидарности с теоретическими воззрениями, тактическими взглядами и организационными идеями «Зари» и «Искры», которые он признает руководящими органами русской социал-демократии. Пусть придут на помощь нам все партийные организации, пусть теснее сплотятся они на общественной работе под знаменем революционной социал-демократии. Мы не можем пассивно ждать одного только формального восстановления всероссийской партийной организации, мы должны немедленно активно взяться со всех сторон за ее создание, чтобы оказаться на высоте своей задачи: руководить решительным натиском масс на русское самодержавие.

СПБ Комитет РСДРП
Союз борьбы за освобождение рабочего класса
С.-Петербург, июль 1902 г.

Опубликовав это воззвание, Петербургский союз борьбы, при активном содействии влившихся в его состав членов Петербургской искровской группы, приступил к коренной своей реорганизации согласно ленинскому плану построения партии. В чем конкретно заключались мероприятия Союза борьбы в этом отношении, лучше всего говорится в № 30 газеты «Искра» от 15 декабря 1902 года. В помещенной в этом номере статье «Борьба направлений — нажива демагогам» мы читаем:

«После длинного промежутка упорной внутренней борьбы Петербургский комитет партии пришел к сознанию необходимости решительно покончить со всеми пережитками «экономизма» и стать на путь революционного соц.-демократизма.

Необходимым условием для этого перехода являлась коренная реформа местной организации, совершенно непригодной для целей руководства революционным движением пролетариата.

Необходимо было, во-первых, освободиться от громоздкой организации нелепо совмещавшей в себе задачи политической борьбы с задачами профессионального (цехового) движения; необходимо было очистить политическую организацию от всякой игры в «демократизм», то есть от «широкого-выборного начала», которое должно было вести и вело к ослаблению конституции. *При указанном же смешении задач* организации это «выборное начало» ставило — по «уставу» — ход ее работ в зависимости от воли наименее сознательных участников рабочего движения. А так как на практике соображения конспирации не позволяли исполнять «устав» во всей строгости, то на самом деле произвол и случай играли решающую роль в ходе местной работы, и организация не давала своим членам того политического воспитания, которое одно только может выработать из рабочих действительных руководителей,

Необходимо было, наконец, уничтожить нелепое разделение между «рабочим» комитетом и комитетом партии («интеллигентским»). Разделение это, сложившееся во времена господства «экономизма», вполне соответствует бернштейнским представлениям о задачах рабочего движения: рабочей группе надлежит заниматься «чисто-рабочим» движением, то есть экономической борьбой, высшая же политика должна остаться в руках «интеллигентов», которые тем смиреннее признают себя простыми «слугами» пролетариата, чем более на самом деле они являются фактическими хозяевами движения. А таковыми они неизбежно должны быть, когда в соц.-дем. движении царит «экономизм», когда рабочих тщательно оберегают от всего, воспитывающего их политическую зрелость, когда их (чтобы, сохрани боже, не испортить) не знакомят с ведущейся в социалистических органах идейной борьбой по вопросам программы и тактики, когда их, при помощи льстивых фраз об их самодержавии в вопросах «местной работы», систематически держат в стороне от общих задач движения.

СПБ Комитет, приступив к реорганизации местного движения, начал с уничтожения своего разделения на «рабочую» и «нерабочую» часть. В передовых с.-петербургских рабочих он встретил полное сочувствие в этом деле».

Однако, несмотря на выпущенное Союзом воззвание и произведенную внутри его реорганизацию «экономисты» еще не были окончательно добиты. «Экономистские» вожди во главе со студентом Токаревым, известным под кличкой «Вышибайло», не видя больше под собою почвы внутри самого союза, решились на прямой раскол и совместно с некоторыми бывшими руководителями рабочей организации выступили из Союза и положили основание новой «экономической» группе, приняв на себя ставшее вакантным после реорганизации Петербургского союза название — «Комитет рабочей организации». Впрочем, это было уже последним вздохом умирающего «экономизма». «Комитет рабочей организации» влачил еще некоторое время жалкое существование и в конце концов умер бесславной смертью». День за днем, — с грустью пишет «экономический» историк В. Акимов (Махновец)[1] — интеллигентские служители «Рабочей организации» покидали ее, не имея

---

[1] В. Акимов (Махновец), «Очерк развития социалдемократии в России»,

достаточной твердости, мужества и сознания, чтобы удержаться на той высоте, на которую их поставило высоко развитое пролетарское движение Петербурга. Интеллигенты социал-демократы — «середняки» не в силах были противостоять среднему интеллигентскому течению этой стадии развития социал-демократического движения в России, одни поддались влиянию радикализма, так сильно окрасившего «Искру», другие сознательно отступили в борьбе за демократические тенденции ради идеи объединения партии».

Наоборот, работа нового, уже искровского Петербургского комитета Союза борьбы именно в этот момент приобретает наибольший размах и пользуется наибольшим успехом. «За этот период с лета 1902 года до лета 1903 года, — пишет один из членов П. К. этого времени, искровец т. Шотман,[1] — Петербургский комитет (искровский) развил небывалую по размаху и по количеству выпускавшихся листков подпольную работу. Когда я заменил Белянчикова,[2] связи и кружки были почти на каждом заводе и фабрике не только Выборгской стороны, в примыкающем к Сампсониевскому проспекту районе, но и в Палюстровском, вплоть до Охтенского. Типография Петербургского комитета работала великолепно и буквально наводняла прокламациями петербургские заводы и фабрики». «К концу 1902 года, — пишет он дальше, — во всех рабочих районах господствовали как идейно, так и организационно, искровцы. О том, нужна ли на ряду с экономической и политическая борьба, споров уже почти не было».[3]

Завоевав на свою сторону Петербургскую партийную организацию и сведя почти на-нет влияние «экономистов», петербургские искровцы не ограничились этим и приняли активное участие в работе по объединению партийных сил во всероссийском масштабе, прежде всего в созыве очередного II съезда партии. Здесь особенно большую работу пришлось проделать членам Петербургского комитета д-ру Краснухе и И. И. Радченко. Для того, чтобы создать организационный комитет по созыву съезда, И. И. Радченко, по поручению Ленина, взял на себя функцию разъездного агента и объехал ряд городов России, собирая представителей на намеченную предварительную конференцию.

Такая конференция собралась 2 ноября 1902 года в Пскове и на ней был окончательно сконструирован Организационный комитет по созыву съезда. В этот комитет из питерцев вошли — Краснуха и И. Радченко, а также тесно связанные с питерской работой псковичи П. Н. Лепешинский и П. А. Красиков. Организационный комитет, под непосредственным руководством В. И. Ленина разворачивает большую работу, ведя переписку с провинциальными партийными организациями и стремясь обеспечить созываемый съезд возможно большим числом местных представителей.

[1] Шотман, «Записки старого большевика», изд. «Старый большевик», Москва, 1932 г., стр. 68.

[2] Белянчиков был организатором Выборгского района.

[3] Там же, стр. 82.

Работа Организационного комитета естественно привлекает к себе внимание царской полиции. В декабре 1902 года и в январе 1903 года арестовываются д-р Краснуха, И. Радченко и Лепешинский. Но эти аресты не могут прервать работы Организационного комитета. На смену выбывших его членов кооптируются новые и работа продолжается прежним темпом. От Петербурга на смену д-ра Краснухи выдвигаются другие члены Петербургского комитета, сначала А. П. Доливо-Добровольский («Дно»), затем И. В. Бабушкин, но оба они тоже последовательно арестовываются царской полицией. Наконец, в качестве посредника с Организационным комитетом был уполномочен член Петербургского комитета М. М. Эссен («Зверь», «Минай»).

В марте 1903 года в Петербург приезжает член Организационного комитета Б. И. Горев (Гольдман), который включается в местную работу по подготовке к предстоящему съезду. При участии Горева происходит распределение мест на съезд между существующими в Петербурге организациями. Согласно уставу съезда, разработанному Оргкомитетом, каждая городская партийная организация могла послать на съезд не более двух делегатов. Одно из этих двух мест после целого ряда обсуждений было решено, в интересах демократии, предоставить «экономистскому» комитету «Рабочей организации». От них была избрана Лидия Махновец, выступившая впоследствии на съезде под фамилией Брукер.

От Петербургского комитета решено было избрать двух делегатов: одного с решающим голосом, другого с совещательным. Одним из делегатов вскоре был намечен А. В. Шотман, как член Петербургского комитета, организатор крупнейшего Выборгского района и в то же время рабочий от станка, работавший на заводе Нобеля на Выборгской стороне. Другого делегата долго никак не могли выбрать. Сперва намечали Е. Д. Стасову, но так как заменить ее в качестве секретаря комитета было некем, то остановились на представителе ОК — Б. И. Гореве, который к этому времени переехал в Петербург на постоянную работу.

За несколько дней до 1 мая Шотман, передав дела по Выборгскому району своему заместителю Николаю Николаевичу Юникову,[1] выехал из Петербурга. Такой ранний отъезд (съезд предполагался в конце июля) объясняется тем, что ожидались обычные аресты накануне 1 мая и можно было опасаться, что Шотман тоже окажется в числе арестованных. Последующие события вполне оправдали эту осторожность. Накануне 1 мая состоялось совместное заседание Петербургского комитета с Комитетом рабочей

[1] Был расстрелян чехо-словаками в Самаре в 1918 году.

организации по вопросу о совместном праздновании Первого мая. На собрании присутствовал провокатор из числа работников «Рабочей организации», и в результате все участники заседания в числе 20 человек были арестованы: это был тяжелый удар для питерской организации.

Б. И. Горев уцелел и вскоре имел возможность выехать из Петербурга. Однако, попасть на II съезд ему так и не удалось. Переправляясь через границу, он вместе с делегатом от Нижегородского комитета В. А. Десницким (Строевым) был арестован и препровожден в Каменец-Подольскую тюрьму, где ему пришлось сидеть около двух лет.

Таким образом Петербург на II съезде был представлен двумя делегатами: А. В. Шотманом (Горский) от петербургского комитета и Л. Махновец (Брукер) от «Рабочей организации» Петербургского союза борьбы. И, как и следовало ожидать, первый из них примкнул на съезде к большевикам, вторая — к меньшевикам. Общий процесс идейного размежевания российской социал-демократии на ее революционную и оппортунистическую часть — на большевиков и меньшевиков, нашел свое отражение и в рядах питерской организации.

А. Ильин-Женевский

ВЫБОРГСКАЯ РАЙОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РСДРП В ГОДЫ ЛЕНИНСКОЙ „ИСКРЫ"

I

В начале XX столетия фабрично-заводская промышленность Петербурга насчитывала около 155 тыс. рабочих.

На первом месте по своей численности были металлисты, за ними шли текстильщики, дальше табачники, кожевники и др. Большинство рабочих этих отраслей промышленности являлись кадровыми рабочими. 89,2% этих групп рабочих не были связаны с деревней. Это известным образом определяло характер рабочего движения и выделяло петербургский промышленный район из всех остальных промышленных районов России.

Выборгский район в первые годы XX столетия по числу предприятий и рабочих занимал, сравнительно, небольшое место в промышленности тогдашнего Петербурга.

В этот период вся промышленность района состояла из 30 (крупных и средних) предприятий с числом рабочих около 15 тыс. человек.

Металлообрабатывающая группа предприятий имела около половины рабочих, второе место занимали текстильщики, на третьем месте были разные мелкие предприятия: наждачное, графитное, табачное, фарфоровое, химическое (охтенские казенные пороховые заводы) и другие производства. Самыми крупными и передовыми заводами в *металлообрабатывающей промышленности* по степени развития революционного движения были: Металлический (1 546 чел. рабочих), Старый Лесснер (597 чел.), Крейтон и компания на Охте (800 чел.) Людвиг Нобель (650 чел.). Наиболее отсталыми: Арсенал (700 чел.), Розенкранц (800 чел.) и Охтенские казенные пороховые заводы.

В текстильной промышленности передовыми предприятиями были: Никольская ткацкая мануфактура Чешера, фабрика Воронина, Большая охтенская прядильная мануфактура, джутовая фабрика Лебедева.